

Валенчук, Иван Иванович

Украина, Черкасская область

Ноябрь 2015 г.

На второй день начала войны я явился в Шахтинский военкомат (Ростовская-на-Дону область) с просьбой зачислить меня бойцом действующей армии. Группу в 90 человек, среди которых был и я, отправили на обучение военному делу. После обучения бойцов партиями начали отправлять на фронт. На тот момент я имел высшее образование, неплохо владел немецким языком, поэтому лейтенант Сосновский придержал меня с отправкой на фронт и доверил мне вести политическую подготовку бойцов. Я был помощником политрука и комсоргом запасного полка.

В марте 1942 года в запасной полк прибыл генерал Александр Григорьевич Батюня с целью набрать 15 человек для штабной работы. Среди других лейтенант Сосновский порекомендовал и меня. С апреля 1942 года меня зачислили курсантом 8-го отдела Полевого управления 9-й армии. Меня обучали шифровальному делу. С июля 1942 года я был при штабе 9 армии, начальником штаба которой был генерал-майор А.Г.Батюня.

В это время 9 армия вела бои с превосходящими силами противника на реке Дон. Наша 9-я армия попала в окружение. Перед тем, как я попал в плен, припоминаю такое развитие событий. Разведка доложила, что на расстоянии нескольких километров находится противник. Буквально через несколько часов начался такой шквальный огонь, что с деревьев и кустов посыпались ветки. Когда началась канонада, генерал-майор Батюня и я вместе с ним находились на улице вне штаба. Он послал меня в штаб по карте боевых действий, которая висела на стене его кабинета. В расположении штаба были заметны следы рукопашного боя, кое-где лежали трупы и советских, и немецких солдат. Сняв со стены карту, я бежал к генералу, который стоял под кроной большого дуба. Это последнее, что я помню. Я не добежал до генерала метров 40, как поблизости от меня разорвался снаряд. Мощная ударная волна бросила меня на землю и я потерял сознание. Очнувшись, я обнаружил кровь, которая шла у меня из ушей и рта. В голове шумело. Я также обнаружил осколочные ранения руки и ноги с левой стороны туловища. Двигаться почти не мог. Генерала Батюню я больше не видел. Чтобы спастись, прополз немного вперед и спрятался в одной из воронок. В этой же воронке оказался какой-то младший лейтенант, который ночью куда-то исчез, оставив меня одного. На утро я подполз к огородам, где меня нашла девочка, жительница села. Она принесла мне из деревни немного хлеба и молока.

В это время в селе шла облава, немецкие солдаты искали безоружных советских бойцов и грузили их на машины. Мое местонахождение было уже известно по доносу местных жителей, которые прислуживали оккупационной власти. Меня тоже бросили на машину и увезли. Так я стал военнопленным.

Как выяснилось позже, я оказался в обнесенном колючей проволокой концентрационном лагере на окраине города Миллерово. Это было в конце июля 1942 года. Лагерь был под открытым небом. Находился он в природном углублении, по дну которого протекал ручеек.

Это проклятое место в среде военнопленных получило название «миллеровской ямы». Оно действительно стало ямой для многих сотен и тысяч военнопленных.

Мое положение было катастрофическим, раны начали гноиться. Меня спасло то, что я встретил знакомого бойца, у которого чудом оказались какие-то лекарства. Медицинскими препаратами он поделился со мной и мое самочувствие немного улучшилось.

В Миллеровском лагере было огромное количество военнопленных, как мне казалось, не меньше 10 тысяч. Нас строили сотнями и пересчитывали. При этом лагерь был разделен на две части, что использовалось для подсчета и кормления. Кормили всего один раз в день. Давали по одному черпаку баланды. При раздаче еды всегда была большая давка. Не хватало не только еды, но постоянно хотелось пить. Вода из ручейка вскоре была выпита. Чтобы не умереть от жажды, я искал влажные места, вырывал углубления около 20 сантиметров и с ладони цедил сквозь зубы влажную жижу. Траву, корешки, все, что можно было съесть, было съедено. Были случаи побега с лагеря. Пленные делали подкоп под колючую проволоку и бежали. Однако случаи эти были редкими, поскольку сторожевые собаки обнаруживали беглецов и их расстреливали.

Со мной в лагере произошел такой случай. При пленении у меня чудом сохранился при себе хороший кожаный портмоне. С этим портмоне я подошел к оградительной проволоке и предложил очень молодому немецкому солдату-охраннику обменять его на еду (еще со школы я неплохо знал немецкий язык). На следующий день за свой портмоне я получил кусок хлеба. Хлеб я разделил с пленными товарищами. Но в целом поведение с пленными было очень жестоким. Бывали случаи, когда расстреливали мужчин, внешне похожих на евреев. А иногда стреляли в толпу пленных автоматными очередями безо всяких причин, просто так.

Пленных группами привлекали к принудительным работам на железнодорожной станции, на вокзале, в городе. Пленные грузили на вокзале шпалы, рельсы, какие-то металлические конструкции. Иногда под строгим наблюдением грузили на машины ящики со снарядами и авиабомбами. Одни группы военнопленных после работ в городе Миллерово возвращались в лагерь, другие – нет. Однажды осенью (где-то в октябре-ноябре) не возвратился в «Миллеровскую яму» и я. После работ в городе, несколько групп пленных погрузили в вагоны и увезли в сторону Польши.

С ноября 1942 года по октябрь 1943 года я пребывал в небольших трудовых лагерях. Нас привлекали, в основном, на лесные работы с древесиной, перебрасывали из одного лагеря в другой, где требовалась рабочая сила. Я сменил несколько небольших трудовых лагерей, названий которых, к сожалению, уже не помню. Пленные ждали, когда их повезут на работы на железнодорожную станцию. Там можно было выполнить работу для гражданских лиц и получить за это еду. Охрана пленных в этих лагерях была не строгой.

Осенью (где-то в ноябре месяце 1943 года) нас перебросили в город Ландсберг-на-Варте. Расселили в постройках рядом с железнодорожной станцией. Контингент пленных был небольшой, где-то человек 500. Он часто менялся. Одних увозили, других привозили. Пленных привлекали на различные работы по городу, но, в основном, мы работали на железнодорожной станции. Занимались погрузочно-разгрузочными работами. Особенно

много было торфа в мешках. Начальником станции или, может быть, его помощником была женщина.

Со мной произошел такой случай. Однажды в составе группы пленных я работал на реставрации железнодорожного полотна, крепил рельсы. Пока мои товарищи приносили кусок полотна, у меня была возможность несколько минут отдохнуть. Во время очередной передышки я заметил, как мимо меня прошла девушка. Она несла под мышкой какие-то свертки. По ее неосторожности один из свертков упал на землю. Она этого не заметила. Я прикрыл сверток мусором и, когда она скрылась из глаз, рассмотрел его. В нем в виде книжечек находились продуктовые талоны, талонов было много. Через некоторое время, видимо обнаружив пропажу, девушка пробежала обратно. Ее глаза были заплаканы, она что-то искала. Я произнес слово «verlust». Она повернулась, и я вручил ей потерянный сверток. Девушка очень обрадовалась, поблагодарила и ушла. Через некоторое время она вернулась в компании с женщиной – администратором станции, что-то энергично ей рассказывая. Из разговора я понял, что речь идет обо мне, а продуктовые карточки, которые она потеряла, нужно было раздать горожанам. Женщина-администратор одобрительно улыбалась. С тех пор я работал только на станции и на другие работы меня не увозили.

Местные жители относились к нам миролюбиво. Охрана была слабая, она только присматривала за нами. Нам давали возможность заработать кусок хлеба, помогая гражданским. Так прошел год моей жизни в этом городе.

С осени 1944 года в городе начала нарастать паника. Контроль за военнопленными, работавшими на станции, совсем ослаб. Начались побеги. Перед приходом Советской армии и мне удалось сбежать из лагеря. Когда через город прошли советские войска, я явился к работникам НКВД и рассказал свою историю. Около трех месяцев жил в спецпоселении (фильтрационном лагере) вместе с бывшими военнопленными. Все это время давал показания, свидетельства. Самым дорогим подарком судьбы стал пропускной документ, в котором меня направляли на Родину.

В дальнейшем 42 года своей жизни работал в школе учителем физики, поменял место жительства. Мне много раз предлагали стать директором школы, но то, что я пребывал в плену во время войны, не позволяло мне это сделать. Всю жизнь мне довелось замалчивать этот факт биографии, не безосновательно опасаясь очутиться в новом концлагере, уже советском, как неблагонадежное лицо. И только в независимой Украине я почувствовал себя полноправным участником войны и перестал стыдиться своего пленца. Спасибо богу, что я смог до этого дожить. Сейчас мне 95 лет.

С уважением Иван Валенчук

● —